

*Алексей КОВАЛЕВСКИЙ,
поэт, критик, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)*

«НИЧТО НЕ ВОЗВРАТИМО В ХАОС...»

«Врата» Сергея Шелкового — удивительно цельный и гармоничный сборник стихов. Лад в нём и тишина. Та глубинная, сокровенная тишина, которая приближает человека к Истине, словно снимает с него панцирь плоти и отпускает его сущность, его внутреннее «светимое» в мир обетованный, находящийся где-то уже за гранью покаяния, в области прощения и такого счастья, что, оглядываясь не прожитую жизнь, видишь, как она обретает очертанья высокого смысла, и при этом от полноты ли душевной, от особой ли степени прозрения — ты готов дерзновенно утверждать вслед за поэтом, что каждая жизнь уже спасена, — хотя бы потому, что дана была Рукой Спасающего:

*Ничто, ничто не возвратимо в хаос.
Мы избранны и явлены на свет.*

Поэтому и входить во Врата, которые открывает эта книга, надобно, отрешась от суеты повседневья, выбравшись из «атмосферного», а то и «подземного» слоя бытия, в который подчас попадаешь, даже и не отдавая себе в том отчёта, — из этого слоя в слой Примирения и Любви, откуда предметный, вещный мир, тот, который «и проклят, и высок», видится уже совсем иным — искуплённым, переплавленным в огне невещественном и не утратившим ничего из того прекрасного, что тебе отчасти и открывалось, но больше всё же было закрыто до поры:

*Как страстна и тепла земная глина
Под пальцами, под алым языком!
Сгорает купина, горчит калина...
Но ласточка вдоль струй аквамарины
Спасётся
И зернистый склеит дом.*

Может, такова разгадка того, почему «земной» мир С. Шелкового, столь осязаемый, столь круто замешанный на желтке и глине, столь огнекровый и яроликий, представляется... безгреховным, полным той страсти бесстрастной, того плодоношения и роскошества, которые были присущи ему изначально и которые задуманы снова — в том веке, что будет впереди. Это в нём — «солью земною спасётся земля...»

А пока — жизнь-испытание, «кривая и гугнивая правда» истории, которая бьёт наотмашь, раздирает нераздираемое в душе, смущает несмутимый покой. И кто-то из слабых, наверное мог бы уже и упасть, но видит: есть рядом люди, чьё стояние в вере радостно и неколебимо, причём — не нарочито, а естественно радостно и неколебимо, чья вера — в самой своей основе, в самой природе своей — лишена сомнений и метаний, будто и не знает жизни «по стихиям мира сего».

Да, это не имидж, а лицо. Лицо внутреннее, «светимое», которое убедительно прочитывается в каждой чёрточке-строчке — живой, полной напряжённого смысла и спокойной радости, достоинства. «Кто слышит зов, тот чисто говорит».

И когда натыкаешься, даже на что-то неожиданно расхожее в сборнике, вроде — «смысл жизни заключён лишь в ней одной», то, прочитав книгу до конца, ощущаешь, что и по этой строчке бегут все токи нерасхожего мировидения поэта, что и а этой сентенции переплавлен далеко не банальный, не мещанский опыт, а опыт того духовного движения к Истине, которое словно и преодолело самоё жизнь, и снова вернулось в неё, не отвергая, а утверждая её. И ты тоже учишься понимать всю Промыслительную ценность каждой слезы и кровинки, каждой песчинки в этой призванной к спасению пустыне, где так много жаждущих и страждущих.

К ним и обращена «вот эта книжка небольшая...», в которой только поверхностному взору не откроется необыкновенно глубокой и ясной философии, поскольку она, эта философия, вся — в ткани стиха, в его одухотворенной живописи.

Увидеть мир не из века нынешнего, а из века грядущего — разве не искомая и не спасительная, разве не самая позитивная философия! Увидеть — из света, а не из тьмы, из части «десной», а не сознательно прилепившейся ко злу. И повторить, как произнёс когда-то апостол Матфей: «Так, нет воли Отце вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

Нет этой воли, как бы говорят стихи С. Шелкового, и о гибели природы — любого стебля и листка, камня и горсти глины; нет

этой воли и о гибели творений искусства и всего-всего, что ищет соединения с Богом, смотрит порой вот так в восхищении и на прошлое, и на будущее — как на уже очищенное и перерождённое, хоть и находящееся ещё здесь — словно в пределах той доски, на которой пишется икона — окно в жизнь подлинную, а не иллюзорную, словно в рамках того холста, на который наносится пейзаж:

*Осенний Крым. Явление благодати.
Шуршит инжирной роищицы листва.
И близко непорочное зачатъе,
И рядом изначальные слова —*

слова из Ветхого завета, который тоже не отменён, а лишь преобразован Победившим смерть...

«Ничто, ничто не возвратимо в хаос»!

Книг такого уровня, таких тем и решений — было и остаётся очень немного в литературе. А тем более — в осознанном, концентрированном выражении. Художественное слово у нас — поскольку слишком светское, если не сказать: атеистическое? — увы, даже когда говорит о вере, полно пугающего, косного безверия. Философского дилетантизма. Несмотря на всю кажущуюся учёность иных творцов.

Но это — знак времени, воля Того, кто посылает Зов, отклик тех, кто Зов слышит, — и поэзия, искусство устремляются дальше, дополняя и доосмысливая то, что было сказано раньше, что, может, лишь намечалось ранее и предвосхищалось и что должен сказать идущий вослед за учителями, путём традиции и обновления:

*Под каждой из ветвей
мы снова вместе дома,
Зернистый Осип мой,
Арсений мой, Борис...*

Это — там, где всё уже реализовалось, нашло Себя. Не могло не найти. Ибо:

Светимое — то, что не смеет не сбыться...

Это — здесь, в душе, в стихах живущего рядом с нами поэта. Хочется, чтобы читатель услышал его голос. Сразу, а не потом. Хочется, чтобы многие возревновали о подобной силе веры уже сегодня — в данную быстротекущую минуту...

1993 г.